

Анна
Боронина

ГЛАЗА
НЕФРИТОВОГО
ДРАКОНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б83

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрация на переплете *julich art*

Боронина, Анна Михайловна.

Б83 Глаза нефритового дракона : роман / Анна Боронина. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-231718-7

Лине двадцать три, и она талантливый художник-реставратор. Получив приглашение поработать над фреской в Запретном городе, она отправляется в Пекин, не подозревая, что ей предстоит прикоснуться к тайнам, которые веками берегли древние стены.

Согласно одной из них, если дорисовать дракону глаза, он оживёт. И чем ближе Лина к последнему штриху, тем сильнее стирается грань между мифом и реальностью. Теперь ей предстоит решить, кому довериться: дракону, обещающему невероятную силу, или загадочному хранителю, убеждённого, что пробуждение Шеня грозит миру гибелью...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231718-7

© Боронина А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

画龙点睛¹

¹Китайская идиома: «Рисуя дракона, нарисовать глаза» — нанести завершающий штрих, одним штрихом оживить картину. Здесь и далее примечания автора.

ДРАКОН СПЯЩИ ПРОЛО

Высоко в небесах, так высоко, что пространство и время теряли свой смысл, в прекрасном золотом дворце спал дракон. Сон его был крепок и безмятежен, колоссальное чешуйчатое тело, свёрнутое в кольца, поблёскивало в нежном утреннем свете драгоценным нефритом. И сон его не могли прервать ни пение птиц, ни далёкие, словно громовые, раскаты, ни тепло солнца, нагревающее чешую. Даже полное печали прикосновение старого друга не заставило дрогнуть его веки, ни на мгновение не сбилось ровное дыхание.

Он спал сотни лет, но много ли значит время в прекрасных чертогах, где царит вечная весна, где бирюза неба всегда безмятежна, а воздух сладок от цветущих вишен?

— Пора бы тебе проснуться, друг мой и вечный соперник, — требовательно проговорил молодой юноша в золотых одеждах, опирающийся на посох, — пора вернуться в Небесные чертоги, найти свою жемчужи-

ну и хранить границы, как хранили их всегда драконы. Слишком силен стал правитель Диюя, возросло его влияние на наместника твоего в подземном царстве, слишком многое он позволяет себе. И демоны уже расшатывают печати...

Огромный дракон тяжело вздохнул, словно силился проснуться, колыхнулись кольца, сверкнула чешуя, и вновь стал глубок его сон.

Грустно улыбнулся юноша:

— Что ж, там, где бессильны всемогущие, приходится искать помощи у смертных. Раз твои соратники и слуги забыли, как можно тебя вернуть, придётся мне.

Мелькнул золотым всполохом посох, и юноша исчез, чтобы появиться в точно таком же дворце, но там, где время было быстротечно и безжалостно. Опустилось оно на его плечи, пригибая к земле, испещрило молодое лицо глубокими морщинами, даже золотые одежды потеряли свою яркость и блеск, и только глаза остались весёлыми и яркими, словно янтарь, пронизанный солнечными лучами.

Был тот час, когда ночная тьма превращается в неверные утренние сумерки, когда глубокая тьма уже отступила, но свет ещё не вступил в свои права. Над спящим Пекином занимался бледный рассвет; привычный для жителей Поднебесной смог прятал солнечные лучи в сероватой, горько пахнувшей дымке. Ни души не было в Запретном городе, даже бдительная охрана задремала на своих постах в тот час, когда старик удивительно стремительной для своих лет походкой вышел из окутанного безмятежной тишиной Дворца земного спокойствия и остановился, окидывая взглядом дворцовый комплекс:

— Aiyōu¹, — протянул он, укоризненно покачав головой, — как потускнел императорский дворец без при-
смотра!

Он сделал несколько шагов по лестнице, озираясь
и недовольно цокая:

— Стоит добавить сюда красок и золота.

¹ Распространённое китайское междометие, аналог русских выражений «ну надо же», «ох», «ай» (*kit.* 哎哟 или 哎唷).

Давным-давно, когда в мире было много ци, увидел дракон Шень жену своего брата — земного императора, и прекрасна она была, словно распустившийся цветок лотоса.

— «Погода была прекрасная, принцесса была ужасная», — изобразив на лице кривую улыбку, прокомментировала мать, понизив голос, когда Лина нашла её в толпе желающих приобщиться к современному искусству.

На улице пылал жарой июньский полдень, вручение дипломов должно было начаться через пару часов, и Лина искренне надеялась, что успеет незаметно улизнуть с презентации очередного протеже матери.

Она бы вообще пропустила открытие выставки ещё одного современного художника, но мать настояла, и вряд ли бы нашёлся человек, который смог бы не стушеваться и отказать известной московской галеристке и покровительнице молодых дарований.

— Привет, мам! — Лина покорно подставила щёку, её окутало тонким запахом пионов, и материнский поцелуй растаял в паре сантиметров от кожи — конечно, нельзя же испортить макияж.

Татьяна Ларионова была воплощением элегантности и стиля. Как она сама постоянно твердила Лине, предпочитающей любой продуманной укладке небрежный пучок, держащийся на кисточке или карандаше, попавших под руку, — женщина должна олицетворять собой то, чем занимается. А занималась Татьяна Ларионова подбором картин для частных коллекций, владела галереей современного искусства и блистала как организатор вот таких закрытых выставок.

Когда-то давно она мечтала стать художницей и, насколько могла судить Лина по старым работам матери, найденным на чердаке дачного дома, подавала большие надежды. Но на практике в Италии, куда Татьяна попала едва ли не случайно, познакомилась с отцом Лины и теперь уже бывшим мужем. Он-то и сбил молодое дарование с пути истинного.

— Что на тебе надето? — Мать отстранилась и придиричливо оглядела её с головы до ног, как если бы Лина была одним из полотен, представленных ей для оценки. — Я же предупредила тебя, что здесь будет Виктор. Я показала ему несколько твоих работ, он планирует купить ту, с поталью. Не лучший выбор, на мой взгляд, но для начала — очень хорошо. Нарисуешь пару похожих, выставлю их у себя.

— Мам, мне надо тебе кое-что сказать, — начала было Лина, для храбрости сжимая свою маленькую сумочку так, что мелкий бисер впился в пальцы, но мать оборвала её, заметив кого-то в толпе:

— Не стой столбом, пообщайся с людьми, тебе пора самой заводить полезные знакомства. Через полчаса

найди меня, познакомлю тебя с Виктором. — Она ещё раз оглядела её. — И туфли эти дурацкие! Надо будет поговорить с твоим отцом, пусть проследит, чтобы ты не сидела постоянно в музеях, хотя бы когда гостишь у него.

— Я как раз хотела с тобой...

— О, То Лао! Такая честь видеть вас здесь! — Мать повернулась к ней спиной, переключив всё внимание на пожилого китайца. — Право, не ожидала, мне казалось, что современное искусство немного не в вашей сфере интересов.

— О, что вы, Татьяна, интересно посмотреть, на что способны молодые художники. — Взгляд мужчины скользнул по Лине, блеснула золотая оправа очков, и он сосредоточился на её матери.

Вот с кем бы Лина с удовольствием познакомилась. То Лао был известным реставратором, лучшим. Более двадцати лет он работал по всему миру, но неизменно возвращался туда, где оставался практически богом, — в Запретный город в Китае. Но мать была уверена, что Лина забыла о мечтах стать реставратором. Что ж, её ждёт большой сюрприз, когда она узнает, что дочь окончила вовсе не факультет живописи.

Лина вздохнула, оглядывая посетителей — сплошь элитные гости, пришедшие не столько посмотреть полотна, сколько приятно провести время. Безусловно, здесь были и истинные ценители, возможно из числа друзей самого художника, но в основном — меценаты вроде её матери и Виктора, галеристы и те, кто искал возможности выгодно вложить свои капиталы. Она обошла по кругу два зала, задерживаясь у каждой из картин, и наконец остановилась в дальнем углу, где висел огромный, практически во всю стену холст с щедро рассыпанными по бе-

лому фону зеленовато-голубыми кругами. На некоторых рука художника дрогнула, хотя Лина не исключала, что подобное было сделано специально и пятна размазались, потеряли свою геометрическую округлость и стали напоминать диковинную чешую.

В затылок приятно дул кондиционер, охлаждая шею и покачивая снова упавшую на лицо прядь, и Лина замерла, любясь тем, как плавно кружатся в тёплом солнечном свете, пронизывающем серое пустое пространство галереи, мелкие пылинки. На фоне бетонных стен, белого холста и зеленоватых пятен они казались волшебной золотой пылью.

— Красиво, правда? — раздалось за спиной на английском с сильным акцентом.

Лина моргнула, вдыхая, словно всплывая из глубин воображения, и, обернувшись, увидела То Лао, который разглядывал полотно с искренним интересом.

— Не совсем то, что мне нравится, — неожиданно честно ответила Лина, хотя не соглашаться с мэтром было странно, мать бы точно улыбалась и кивала, впрочем, разбираться в современном искусстве было её работой. — Я предпочитаю менее абстрактную живопись.

— Легко восхищаться тем, что близко и понятно, — с улыбкой произнёс То Лао, — удивляться и принимать чуждое требует гибкости ума, или же это чуждое должно быть неоспоримо прекрасным.

Он помолчал, разглядывая картину поверх очков, и добавил, не глядя на неё:

— Вы так внимательно разглядывали картину, что я подумал, возможно, вы видите больше.

Лина вновь перевела взгляд на круги, надо было ответить что-то нейтральное, что-то, что польстило бы и художнику, и не задело бы известного реставратора:

— Свет в зале красиво падает, — уклончиво ответила она, отводя взгляд и ругая себя за то, что не может перевести беседу на более интересную тему. Он известный реставратор! Сколько всего можно было узнать, а она даже не знает, что ответить на простой вопрос. В такие моменты ей хотелось бы быть похожей на мать — она могла поддержать любой разговор и, казалось, искренне интересовалась любым собеседником.

— О, вот ты где!

Лина едва не закатила глаза: стоило вспомнить.

— То Лао, надеюсь, моя дочь не докучала вам? — Мать положила руку на её плечо, привлекая к себе в заботливом объятии.

Ещё бы за щёчку потрепала! Лина замерла, чувствуя, как краснеет, и желая провалиться сквозь землю.

— Нет-нет, — То Лао послал Лине неожиданно лукавую улыбку, — мы обсуждали ваш чудесный вкус: такая работа со светом и пространством! Только вы, Татьяна, могли столь чудесно всё спланировать.

— О, благодарю. — Кажется, её мать была действительно польщена, хватка её пальцев на плече ослабла. — Прошу нас извинить, хочу представить дочь знакомому. Она только начинает свою творческую карьеру, а я делаю всё, чтобы ей помочь.

— Конечно. — То Лао склонил голову в вежливом поклоне, а потом внезапно протянул Лине визитку. — Возможно, когда-нибудь вам понадобится совет. Ваша мать верно подметила: в начале пути всем нужна помощь.

— Спасибо!

Он ободряюще улыбнулся, когда Лина убрала в маленькую сумочку красный картонный прямоугольник.

— Что это вообще было? — недовольным шёпотом отчитывала её мать, ловко лавируя между посетителя-

ми. — Я просила тебя подойти через полчаса, а в итоге должна бегать и искать тебя!

— Я увлекалась, прости, — ответила Лина, чуть не столкнувшись с официантом, который нёс шампанское на круглом подносе, и зная, что оправдываться бесполезно, всё равно добавила: — И это же был То Лао!

— Он интересная личность, надо будет обязательно напомнить, чтобы упомянули его в пресс-релизе. Но он не твой потенциальный клиент! А Виктор не будет ждать вечно!

И мать, кивая и улыбаясь знакомым, практически потащила её в зону отдыха, где пока что было пусто, за исключением высокого мужчины, который что-то быстро печатал на компьютере, параллельно отрывисто разговаривая по телефону. Заметив, что они приближаются, мужчина быстро закончил разговор и сделал пару шагов навстречу.

Виктор неожиданно оказался китайцем, правда, прекрасно разговаривающим на русском, едва заметный акцент придавал его речи отрывистость и жёсткость. Наверное, он был из тех китайцев, что ведут бизнес в России, хорошо знают язык и даже берут себе русские имена.

— Рад знакомству, Лина. — Он удержал её ладонь, протянутую для рукопожатия, и поцеловал: очень галантно, не касаясь губами, но его дыхание словно обожгло кожу.

Лина не отдернула руку только потому, что чувствовала пристальный материнский взгляд. Не хватало ещё, чтобы она начала критиковать её при клиенте.

— Взаимно, — немного нервно улыбнулась она, радуясь, что выбрала простое, но элегантное тёмно-синее платье: знакомый матери оказался не сморщенным старикашкой, как она ожидала, а молодым мужчиной. Лина бы